

РОССИЯ СЕГОДНЯ

Н.Б. Ильина

Идея демократии в восприятии российского общества

Современная Россия, несмотря на масштабность изменений в политической системе и экономических отношениях, до сих пор характеризуется многими аналитиками как общество «переходного типа». Эти оценки не в последнюю очередь вызваны «недооформленностью» ее политической системы и, как следствие, периодически возникающей актуализацией проблемы (реальной или мнимой) выбора между демократией и авторитаризмом. Начиная с 1991 г., эта проблема возникала, по меньшей мере, трижды: в 1993, 1996 и в 2000 гг. (в последний раз в момент избрания В.Путина Президентом России).

Особенностью нынешней ситуации является возникновение определенной интеллектуальной «моды» на скептицизм в отношении перспектив российской демократии; его демонстрируют как «транзитологи», выдвигающие в качестве целей развития демократии достижение неких «универсальных стандартов», так и «традиционалисты», говорящие об отторжении российской «почвой» любых западных моделей развития. Однако российскую и зарубежную общественность интересуют не столько академические дискуссии, сколько реальные намерения нынешней российской власти, ее конкретные действия и отношение к ним общественного мнения страны. Последнее представляется важным, поскольку, как показывают данные социологических опросов последних лет, установки массового сознания, пройдя через фазу резких колебаний, ныне в целом стабилизировались и приобрели конфигурацию, практически не

зависящую от перипетий политической и экономической конъюнктуры. А главное – общественное мнение начинает приобретать все большее значение в формировании как «текущей повестки дня», так и «образа будущего». В значительной степени это относится и к рассматриваемым в настоящем материале вопросам.

Как известно, российское общество с энтузиазмом восприняло приход демократии, свободные выборы, новые возможности для личной самореализации. Но демократия, как известно, не только статичный набор неких ценностей и институтов, устанавливаемых раз и навсегда, но и процесс развития, демократизации либо, наоборот, сужения, угасания и деградации общественной жизни. С этой точки зрения определенный интерес представляет вопрос о том, как оценивает общественное мнение те преобразования, которые идут в России в течение последних 10–15 лет и которые принято считать демократическими.

Вопреки расхожему мнению о тотальном разочаровании россиян в демократии вообще и особенно в ее «российском» варианте, исследования показывают, что отношение населения к этой проблеме является сложным и неоднозначным. Прежде всего, никогда не подвергалась сомнению необходимость самого перехода от тоталитарной системы к демократическим формам и принципам правления. Так, по данным ВЦИОМ, при всем негативизме в отношении ельцинской эпохи, единственным более или менее значимым достижением последних лет россияне считают «демократию и политические свободы».

Аналогичную картину дают данные исследований РНИСиНП. Для 70% опрошенных последнее десятилетие стало единственным в истории России за последние 100 лет периодом, с которым у них ассоциируется понятие «гражданских и политических свобод». Для сравнения: наличие политических и гражданских свобод в дореволюционной России обнаружило лишь 10%, а в Советском Союзе во времена Брежнева – 15% опрошенных.

При этом россияне в первую очередь имеют в виду те элементы демократии, которых не было раньше и которые действительно получили развитие в современной России. Это, прежде всего, выборность органов власти, свобода слова и печати, свобода передвижения, включая свободу выезда за рубеж, свобода предпринимательства.

Хотя для россиян важность указанных ценностей за последние годы несколько потускнела (практически по всем позициям число тех, кто считает данные элементы демократии важными, сократилось примерно на 10%), тем не менее все они, за исключением многопартийности, остаются актуальными и необходимыми для большинства россиян. Некоторое же снижение значимости указанных ценностей свидетельствует, как это ни парадоксально, об укоренении их в массовом сознании: просто они перестают восприниматься как нечто необычное, экстраординарное.

В то же время – об этом свидетельствуют результаты опросов практически всех социологических центров – россияне не ставят знака равенства между политическими правами и свободами и демократией как таковой. Более того, значительное их число отказывается иметь место преобразованиям в праве называться демократическими.

Знаменательно, что пик разочарований пришелся на середину 90-х гг., когда со всей очевидностью выявились не только истинные намерения отцов реформ, но и их практическая политика. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), при выборе из спектра суждений о месте и роли демократии консенсус (поддержка 60–73% при неприятии 3–9%) был достигнут лишь по трем позициям:

нынешний государственный строй не является демократическим;

демократию России еще только предстоит построить;

демократия в России необходима, но находящиеся у власти демократы ее компрометируют¹.

Эти данные характеризуют ситуацию 1995 г. Однако, как показывают данные РНИСиНП, с тех пор ситуация принципиально так и не изменилась. По-прежнему сохраняется, с одной стороны, установка на необходимость демократии, а с другой – невозможность обнаружить ее в реальной действительности, поскольку, по мнению большинства россиян, за последние годы произошла «приватизация» демократических институтов властью имущими. Соответствующим образом оценивается и роль «простых» граждан в политической жизни страны.

Критический настрой по отношению к российскому варианту демократии связан также с тем, что демократия в понимании подавляющего большинства россиян – это такая организация

общественной жизни, которая способна обеспечить, во-первых, законность и правопорядок; во-вторых, реализацию социально-экономических прав граждан. В частности, при постановке вопроса о значимости демократических прав и свобод «не вообще», а для каждого отдельного человека выявилась следующая иерархия значимых ценностей:

равенство всех перед законом;

гарантия безопасности и защиты личности;

право на труд;

право на образование и обучение;

социальная справедливость при распределении материальных и иных благ;

свобода от любых вмешательств в частную жизнь и т.д.

Иначе говоря, наиболее актуальными оказываются ценности, которые востребованы в повседневной жизни людей, но оказались за последние годы в явном дефиците. Тот факт, что в представлении россиян о демократии значительное место занимает социально-экономическая компонента, трактуется некоторыми аналитиками, в частности В.Лапкиным, как укорененная в сознании людей «смесь ценностей и установок государственного патернализма и так называемой “социалистической демократии”»². Представляется, что это далеко не так. Вряд ли может быть поставлено под сомнение, что для стабильной демократии необходим определенный уровень экономического развития страны и, соответственно, высокий уровень благосостояния граждан. «Патернализм» в данном случае не при чем, также как не при чем ностальгия по социалистической «демократии». Действительно, память о социальных гарантиях имеет место, но при этом существовавший при советской системе политический строй не рассматривается (как уже отмечалось) нашими согражданами как демократический.

Трудно согласиться также с точкой зрения о низком уровне политической культуры россиян, которая якобы не позволяет им понять суть демократии. Причем сторонники этой точки зрения опять-таки связывают низкий уровень этой культуры с «проклятым» наследием коммунистического прошлого, когда «из сознания народа оказалась искорененной сама память о тех зачатках демократических основ функционирования экономики и устройства общества, о соответствующих нормах и традициях поведения и

взаимодействия людей, о роли в общественной жизни права, суда, частной собственности, представительной власти, свободы слова и т.д., которые постепенно начинали внедряться в социальную ткань дореволюционной России»³. Напротив, исследования показывают, что у россиян существует вполне адекватное видение нормативной модели демократии и ее основных черт. Так, при ответе на вопрос «Что есть демократия?» большинство опрошенных апеллируют в первую очередь именно к тем ценностям, которые, по мнению Л.Гордона и Э.Клопова, «выветрились» из сознания россиян за 70 лет советской власти (равенство граждан перед законом, свобода печати, независимое судопроизводство и т.д.). Причем образ демократии, понимание того, что есть демократия, а что нет, сложились еще в доперестроечные времена, а в период перестройки были одним из важнейших социальных факторов поддержки перемен.

Таким образом, дело не в том, правильно ли россияне понимают демократию. Главная проблема заключается в произошедшем разрыве между, с одной стороны, возобладавшем на начальном этапе реформ в общественном сознании неким умозрительным идеалом, а с другой – той непривычной для России моделью жизнеустройства, которая была предложена в действительности и которая укладывается в формулу: «каждый за себя, и один Бог – за всех».

Иначе говоря, общество разочаровалось не столько в самой демократии, сколько в своем политическом выборе, сделанном в начале 90-х гг. Поскольку осуществление социально-политического и экономического проекта, на реализацию которого общество предоставило карт-бланш Ельцину и его окружению, не оправдало ожиданий россиян, негативное отношение к нему было частично перенесено и на те демократические процедуры и институты, с помощью которых этот проект продвигался и легитимизировался. Понимание же того, что не только государство, но и общество в лице каждого гражданина несет ответственность за то, что происходило в стране, привело к очевидному моральному дискомфорту, который проецируется не только на отношение россиян к ельцинскому режиму, но и на самих себя.

Эффект бумеранга сказался и на отношении россиян к западной модели демократии. Ухудшение дел в России, вызывало все большее недовольство и Западом в целом, и той моделью демокра-

тии, которая была предложена в качестве «образца для подражания». Из десятилетия «ельцинской смуты» треть населения страны вынесла твердое убеждение, что «индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят» и что сильное влияние западных государств препятствует выходу России из кризиса. Более того, почти 80% уверены, что Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни.

В целом можно констатировать, что нормативно-вербальное понимание россиянами демократии практически, в общем и целом, не отличается от общепринятого в мире. Специфика же российской ситуации заключается в том (на нее указывают социологи, занимающиеся сравнительными исследованиями, в частности В.Рукавишников), что, в отличие от интерпретации смысла демократии в западных обществах, где отсутствуют ассоциации демократии с порядком или анархией, а также с состоянием экономики страны, многие россияне именно на них и акцентируют свое внимание.

Но самое главное отличие в том, что, несмотря на все разговоры о кризисе демократии на Западе, подавляющее большинство его населения не подвергает сомнению ни сам факт ее существования, ни ее необходимость. В России же существование демократии до сих пор для многих не является очевидным, в том числе и потому, что ее идеальный образ, сформированный на начальном этапе реформ, разошелся с реальной практикой социальных преобразований.

Одним из важных отличий развитых демократий от демократий «развивающихся» являются уровень и характер включенности граждан в реальный политический процесс.

В российском обществе, как только схлынула «демократическая революция», возобладали устойчивый скептицизм в отношении подавляющего большинства форм и каналов политического участия, за исключением участия в выборах. Причем это коснулось как реальной включенности людей в политический процесс, так и вербальной оценки населением своих возможностей воздействия на власть. Более того, за последние годы этот скептицизм только усилился.

Так, число тех, кто считает, что эффективных способов влияния на власть в России не существует, за последние пять лет увеличилось с 42 до 57%. Единственным инструментом реального по-

литического участия и защиты своих интересов (помимо участия в выборах), значимость которого за последние годы возросла почти в три раза, является обращение в суд. Это свидетельствует о наметившемся формировании представлений населения о суде как о правозащитной организации, а не только как о карательном органе.

В этой связи трудно не согласиться с мнением А.Мельвиля о том, что, по сути дела, «...демократия понимается сегодня населением России не в духе массового политического участия и способности постоянно оказывать воздействие на принятие решений, а как способность регулярно избирать руководителей, которые, в свою очередь, после этого вовсе не обязаны поддаваться давлению своих избирателей»⁴. Данные социологических исследований иллюстрируют сравнительно высокий уровень электоральной активности населения при крайне низком уровне востребованности тех каналов и форм, которые требуют действительно «участия».

Обычно в российской и зарубежной литературе, особенно в политической публицистике, низкий уровень включенности граждан в политический процесс объясняется в первую очередь олигархизацией власти, сужением пространства публичной политики и т.д. Отчасти это так и есть. Как справедливо подчеркивает Г.Дилигенский, «в современном обществе политика является демократической, если ее творцы и действующие лица руководствуются внутренним психологически укорененным “категорическим императивом”, повелевающим им считаться с жизненными интересами, мнениями, устремлениями рядовых граждан, воспринимать эти интересы и мнения как “социальный заказ”, подлежащий выполнению»⁵. Любому непредвзятому наблюдателю, однако, очевидно, что концепция «восприимчивой демократии» не имеет ничего общего с посткоммунистической Россией. Не случайно уже к середине 90-х гг. у большинства россиян (до 80%) выработалось стойкое убеждение в том, что российские власти мало интересуют мнение таких простых людей, как они сами, что людям, правящим страной, безразлична судьба отдельного человека.

Но это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что восприимчивым к демократическим ценностям и институтам должно быть и общество. Здесь не может быть улицы с односторонним движением. Причем это восприимчивость особого рода – наличие и всяческое культивирование «демократического мифа»,

то есть вера в способность решать насущные проблемы как страны, так и каждого отдельного человека исключительно посредством демократических процедур, с одной стороны, а с другой – способность формулировать и доносить до власти этот самый «социальный заказ», который ей подлежит выполнять. Не секрет, что и этого в постперестроечной России до последнего времени не наблюдалось. В результате не только власть игнорировала общество, но и общество отвечало власти тем же. После всплеска политической активности в конце 80-х – начале 90-х гг. оно, по сути дела, перешло в глухую «самооборону» по отношению к власти.

Говоря о низком уровне востребованности различных форм политического участия, следует также иметь в виду, во-первых, что в условиях адаптации к новой реальности политическая и общественная деятельность перемещается на периферию жизненных интересов большинства людей. В сегодняшней России явно доминирует ставка человека на себя самого и на ближний круг (семья, товарищи, коллеги по работе). Установки же на взаимную поддержку, солидаризм, готовность к участию в решении общих дел не получают пока среди россиян достаточного распространения.

Во-вторых, рационально-активистская модель не получает в России широкого распространения в том числе и потому, что, как показывает практика, россиянам не свойственна приверженность к постоянной систематической деятельности и при каждом удобном случае они готовы делегировать право представления своих интересов «наверх». Так, высказывая недовольство «элитизацией» политики и, наоборот, соглашаясь с тем, что «все люди должны иметь равные возможности влиять на политику властей», большинство граждан тем не менее не спешит этой возможностью воспользоваться, по-прежнему уповая на «мудрых руководителей».

В-третьих, в России, как и в любом обществе, возможности демократии не могут быть востребованы всеми слоями и группами населения в равной степени. Проблема России заключается в том, что в ней пока не сформировались крупные социальные слои, что называется, кровно заинтересованные в демократическом векторе развития России, а главное – способные использовать имеющиеся возможности для самоорганизации, для отстаивания собственных интересов. Речь прежде всего идет о так называемом «среднем классе».

Отчасти это связано с тем, что процесс социального структурирования общества еще далек от завершения. Разные группы активно перемещаются из одних слоев в другие, и в этом смысле сам средний класс представляет собой некий «перекресток мобильности». Пока же можно вести речь об отчетливо выраженной тенденции роста зависимости между социальным и материальным статусом различных групп населения и степенью их включенности в демократический процесс.

В частности, существует тесная связь между уровнем материальной обеспеченности и тем, насколько важными представляются респондентам те или иные атрибуты демократии. То есть демократия «нравится тем больше, чем больше денег в кошельке», и, соответственно, наоборот. Особенно рельефно это видно на примере отношения к тем возможностям, которые напрямую зависят от уровня материального положения человека: к свободе предпринимательства и свободе выезда за границу.

Если учесть тот факт, что в составе населения современной России высоко и средне обеспеченные слои составляют менее четверти (0,5 и 23%), а основная масса – это люди низкого достатка (57%) и живущие вовсе за чертой бедности (17%), складывается ситуация, при которой, с одной стороны, имеет место отчуждение значительной части населения от политической жизни, а с другой – идет ее «элитизация». Это подтверждается, в том числе, и эмпирически: на фоне сравнительно высокого интереса к политике большинства (в среднем около 70%) россиян о непосредственном участии в политической деятельности заявляют на протяжении последних лет от 1 до 1,5% опрошиваемых россиян. Это и есть примерная численность «политического класса» и его непосредственного окружения (активистов и волонтеров политических партий, работников СМИ, аналитиков, имиджмейкеров и т.п.).

В связи с этим интересны взгляды известного политического мыслителя Йозефа Шумпетера, разработавшего модель «реалистической» или «процедурной» демократии. В противовес «классическим» политическим теориям, он попытался переосмыслить природу публичной жизни, освободить мышление от спекулятивных и произвольных нормативных предпочтений того или иного автора. Он дал объяснение, как в действительности «работает» реальная демократия. Шумпетер представил теорию, по его мнению, значи-

тельно более приближенную к жизни, нежели большинство других существующих теорий демократии. В то же время его подход не означал радикального разрыва с традицией, представленной Бентамом, Марксом или Вебером. Его ставшая «классической» работа «Капитализм, социализм и демократия»,⁶ впервые опубликованная в 1942 г., оказала огромное влияние на все дальнейшее развитие теории демократии после окончания второй мировой войны, в особенности на политическую науку и социологию. Такие известные авторы, как Роберт Даль, Габриэль Алмонд, Джиованни Сартори⁷ и многие другие, сформировали собственные подходы во многом в полемике или через развитие основных гипотез Шумпетера.

Как и труды Вебера, книга Шумпетера также носит преимущественно нормативный характер. Его теория затрагивает ограниченный круг вопросов, связанных с адекватной формой «народного» правления.

Под демократией Шумпетер понимал политический *метод*, или институциональное устройство принятия политических – законодательных и управленческих – решений через облачение определенных индивидов, вследствие успешного выражения ими воли граждан, властью принимать решения по всем вопросам. Демократия находит свое выражение в конкурентной борьбе за мандат на правление между поддерживаемыми партиями политическими лидерами. Таким образом, Шумпетер довольно далеко отходит от представлений о демократии как о равенстве и наилучших условиях для человеческого развития в контексте политического участия. Для него политическое участие граждан сводится к периодическому голосованию и уполномочиванию правительства действовать от их имени. Конечно, демократия может служить многим целям, в том числе достижению социальной справедливости. Однако важно не путать эти цели с самой демократией, считал Шумпетер. Форма принятия решений и их содержание – две разные вещи. Демократия поэтому есть не более чем создание условий для принятия *de facto* легитимных политических решений посредством периодически повторяющихся выборов представителей конкурирующих между собой политических элит.

Как совершенно правильно и неоднократно подчеркивали теоретики либерализма, сущность демократии заключается в способности граждан добиваться периодической смены правительства

и тем самым защищать себя от риска появления неизменной, застывшей власти, принимающей решения уже исключительно в собственных интересах. До тех пор, пока правительство подлежит смене, а электорат обладает выбором между как минимум двумя партийными платформами, угроза тирании находится под контролем. Демократия – это механизм, допускающий регистрацию широкого спектра пожеланий обычных граждан, в то время как фактическую публичную политику осуществляют немногие люди, достаточно опытные и квалифицированные для того, чтобы выполнить эту задачу. С учетом широты спектра предпочтений граждан, а также фрагментарности их требований, механизм призван отобрать лиц, способных принимать решения, по которым возникает согласие большинства, при сохранении разнообразия индивидуальных потребностей. Демократия – единственное средство, способное обеспечить достижение этой цели.

Если же демократия – действительно единственное институциональное устройство, способное генерировать и легитимировать лидерство, то тогда связь с традиционным определением демократии – «власть народа», носит довольно условный характер. Шумпетер подчеркивал, что демократия отнюдь не означает, будто народ управляет страной в самом буквальном смысле слова. Она означает всего лишь, что у народа есть возможность принять или отвергнуть тех людей, которые намереваются им управлять. Тогда в каком-то смысле можно сказать, что демократия – это правление политиков. Именно так, по мнению Шумпетера, и обстоит дело в современных демократических государствах

Если смотреть правде в глаза, то следует признать, что политическая деятельность в наше время превратилась в карьеру. Это в свою очередь означает необходимость признания определенных профессиональных интересов самих политиков как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Это объясняет, почему столь часто политики перестают представлять интересы своего класса или местности, как только их избирают в какой-то представительный орган.

Шумпетер не считал такой подход слишком произвольным или даже циничным. Наоборот, по его мнению, верхом цинизма будет делать вид, что демократия может стать самоуправляющимся сообществом, в основе которого будет лежать исключительно

стремление к общему благу, при понимании, что приоритетом будут пользоваться интересы тех, кто находится во главе этого сообщества. Демократия должна быть интерпретирована как механизм отбора, создающий минимальную контрольную систему за теми, кто окажется во главе власти.

Подобно Веберу, Шумпетер считал довольно опасным понятие «народного суверенитета». Крайне сложным современным миром успешно управлять может только «суверенное государство», в котором роль «суверенного народа» должна быть ограничена целым рядом жестких условий. Это было связано прежде всего с довольно низкой оценкой им интеллектуального и политического потенциала обычных граждан. Строго говоря, портрет обычного гражданина в интерпретации Шумпетера напоминает индивида в «естественном состоянии», как его описывал Гоббс, – образ, весьма далекий от демократии. Шумпетер представил электорат как слабых людей, подверженных эмоциональным импульсам и вспышкам, интеллектуально неспособных принимать самостоятельные решения и открытых для влияния внешних сил. Электорат, разумеется, принимает участие в целом ряде рутинных политических мероприятий, вроде заседаний всевозможных комитетов, слушает радио, читает газеты (сегодня мы бы добавили, смотрит телевизор и блуждает по Интернету), но все эти виды деятельности предполагают минимальное личное участие, низкий уровень энергии и мысли, что означает высокую восприимчивость к алогичным влияниям, равно как и невосприимчивость к рациональным аргументам. Для обычных граждан политика – «воображаемый мир»: важнейшие политические вопросы по существу превращаются для обычного гражданина в форму досуга, часто даже не поднимаясь до уровня хобби, а скорее становятся предметом безответственных разговоров.

Обсуждение публичных проблем как среди необразованных, так и среди образованных людей зачастую отмечено невежеством и отсутствием разумных суждений. Образование, считал Шумпетер, здесь не помощник. Почему? Дело в том, что значительная часть как внутривнутриполитических, так и международных проблем столь далека от жизни обычных граждан, что воспринимается ими как не вполне реальная. В этом отличие мира политического от мира бизнеса, где риски и опасности, связанные с определенными типа-

ми действий, имеют вполне осязаемый, материальный характер. К тому же обычно рядовым гражданам не хватает специальных знаний и точной информации. Из этого вытекают два следствия: во-первых, вклад обычных граждан в политику, как правило, в значительной степени диктуется иррациональными предрассудками и импульсами; во-вторых, «публичный коллективный разум» становится легко уязвимым и манипулируемым политиками, сориентированными на собственные интересы, интересы «дела», а также крайне безответственными идеалистами всех мастей.

По мнению Шумпетера, сравнив политическую философию античной Греции с республиканизмом или либеральной демократией, можно сделать вывод о том, что понимание термина «демократия» прошло полный круг: от узаконенной приверженности демократии как форме политической жизни до такого способа аргументации, которую могли бы привлечь самые ярые противники демократии. Вариант Шумпетера предполагает такую ее трактовку, которая предполагает минимальную форму политического участия граждан, достаточную лишь для того, чтобы легитимировать право конкурирующих политических элит на управление страной.

Шумпетерианская концепция современного индустриального общества во многом была сформулирована под влиянием идей Маркса и Вебера. Как и Маркс, Шумпетер подчеркивал динамичность и подвижность природы промышленно-развитого капитализма. Он также выделял тенденцию к господству все более крупных корпораций в производстве и распределении товаров. Вслед за Марксом он утверждал, что развитие индустриального капитализма в конце концов подорвет сами основания капиталистического общества – в основе его лежат противоречия, которые сам он не в состоянии разрешить. Поэтому западный капитализм неизбежно уступит место новому экономическому порядку, который, вне зависимости от полученного названия, будет какой-то формой социализма.

В то же время, подобно Веберу, Шумпетер считал, что все более широкое применение рационального, калькулирующего подхода к все большему числу сфер жизни имеет самые серьезные последствия для современного общества. Он соглашается с тем, что капитализм явился мощным стимулом «процесса рационализации». Он также принял точку зрения Вебера о том, что рацио-

нализация – необходимая часть сложного мира, нуждающегося в беспристрастном, функциональном упорядочивании. Только «правление экспертов» может направить административный аппарат на выполнение регулирования и контроля. Соответственно, в современных условиях возможна только сильно ограниченная модель демократии. В то же время Шумпетер, в отличие от Вебера, считал, что капитализм в сочетании с демократией внесут собственные ограничения в развитие процесса рационализации. Капитализм сам по себе будет подвергаться эрозии в силу развития «технических» процессов.

С приходом в Кремль В.Путина, а позже Д.Медведева оценки перспектив демократии в России среди российских и зарубежных аналитиков разделились. Значительная часть считает, что эти перспективы не очевидны, и скорее всего страна вступает в этап авторитарного управления.

Так, по мнению Д.Фурмана, разделяемому значительной частью российской интеллигенции, с избрания В.Путина Президентом России в стране фактически установилась и с одобрением принята обществом своеобразная “народная монархия”, с наследованием власти и последующей легитимизацией наследника посредством всенародного одобрения. . . Россия, в очередной раз, позаимствовав западные политические формы, вложила в них свое, глубоко оригинальное содержание. Фактически мы умудрились соединить несоединимое, восстановить традиционную, самодержавно-генсековскую систему безальтернативной власти в условиях свободы политической деятельности и свободы выборов»⁸.

Другие же придерживаются противоположной точки зрения: только сейчас в России появляются настоящие возможности для развития органичной для России модели демократии. Так, Б.Капустин убежден в том, что только при президенте В.Путине открывается перспектива преодоления демагогии «свободы от государства» и перехода к настоящей свободе, обеспечиваемой государством⁹.

Точка зрения, представленная Б.Капустиным, в большей степени отвечает сложившемуся в России в последнее время общественному мнению. В отличие от некоторой части творческой интеллигенции, большинство российских граждан не видят в действиях нового российского руководства никаких реальных устремлений к установлению диктатуры. Скорее, наоборот, проявляется опреде-

ленное недовольство слишком медленными и мягкими шагами по наведению «порядка», что и было основным запросом во время федеральных избирательных кампаний 1998–2000 гг., во многом определившим их результат. С этой точки зрения В.Путин скорее выступает в качества сдерживающего начала, не дающего запросу общества по наведению порядка осуществиться в излишне радикальной форме. Например, в мерах по изъятию несправедливо нажитых состояний, в чем видят необходимость свыше 60% россиян.

Иначе говоря, вопрос о перспективах демократии в России не следует чересчур персонифицировать. Конечно, власть в России значит очень много. Но в то же время массовое сознание, несомненно, уже начинает определять «коридор возможностей» для тех или иных действий властей. И это само по себе свидетельствует о наличии демократии в России, хотя, конечно, при таком положении дел многие установки, стереотипы массового сознания могут кого-то не устраивать. Кстати сказать, запрос на эффективное дееспособное государство отчетливо оформился после августовского (1998 г.) дефолта, то есть почти за полтора года до появления В.Путина на высших государственных постах России.

Сказанное вовсе не означает, что никаких проблем, никаких угроз демократической перспективе в России не существует. В то же время нельзя отождествлять их с теми трудностями, с которыми сталкивается в последнее время часть бизнеса и политической элиты страны.

Говоря о факторах, которые при определенных условиях могут оказать сдерживающее воздействие на процесс демократических реформ, следует иметь в виду, что часть из них действительно связана с действиями и стилем поведения самой власти, другие же коренятся в самом обществе, его установках и стереотипах. А некоторые и вовсе имеют отношение к социокультурным и историческим особенностям России разных этапов ее развития, включая и самый последний. К таким, в частности, относится проблема, которая многим кажется неразрешимой: как соединить идею демократии с идеей государственности, а ее в свою очередь трансформировать в эффективную дееспособную власть.

Как отмечает известный американский политолог С.Холмс в своей статье под характерным названием «Как слабость государства угрожает свободе», «зрелище политической дезорганизации в

посткоммунистической России напоминает о глубокой связи между либерализмом и действенной государственной системой. Представление об автономных личностях, которые могут свободно осуществлять свои права, только бы к ним не приставало государство, опровергается тревожными реальностями новой России... Российское общество можно уподобить сломанным песочным часам: верхи не эксплуатируют и не угнетают низы, даже не управляют ими – они их просто игнорируют»¹⁰.

Подобного рода ситуация причудливо преломляется в массовом сознании в виде жесткой дифференциации и даже противопоставлении таких, казалось бы, близких понятий, как «государство» и «власть». Если к понятию «государство» в ходе специального социально-психологического тестирования положительное отношение высказали 92% опрошенных россиян (и лишь 8% – отрицательное), то понятие «власть» вызывает положительные эмоции вдвое реже – лишь у 44% респондентов (а отрицательные – у 56%).

Понятно, что в основе этого феномена лежит определенная историческая традиция, когда общественное мнение, рассматривая «государство» как высшее благо и как высшую инстанцию в реализации не только частных, но прежде всего общественных интересов, в то же время крайне негативно относится к власти, воплощаемой отдельным ее институтом и представителем. Так было в России всегда, однако в годы ельцинского правления эта проблема обострилась как никогда раньше. Справедливости ради необходимо отметить, что за время пребывания В.Путина на высших государственных постах ситуация значительно улучшилась, следствием чего является рост уровня доверия со стороны населения не только президенту, но и федеральному правительству. В то же время не все составляющие так называемого «проекта В.Путина» вызывают поддержку и одобрение. Наибольшую настороженность вызывает так называемый «социальный контракт», разработанный группой Г.Грефа. Как показывают исследования, многие содержащиеся в нем предложения (в том виде как они доходят до населения), в частности, переход к преимущественно платной системе в здравоохранении и образовании, полной оплате населением коммунальных и ряда других услуг вызывают у россиян настороженность и отторжение. Но главное – россияне не разделяют точку зрения, содержащуюся в послании Президента Федеральному Со-

бранию об избыточности «социального бремени», которое несет российское государство. В реальной жизни наши сограждане видят, что за последние десять лет внимание государства к социальным проблемам значительно ослабло, к тому же само это бремя распределяется далеко не равномерно. Между тем государство, как уже отмечалось, которое не ориентировано на «общее благо», во-первых, не признается россиянами в качестве демократического и, во-вторых, может вообще не восприниматься в качестве государства как такового.

Еще один парадокс: стремление жить в сильном государстве и требования наведения порядка в стране сочетаются у значительного числа россиян с нежеланием жить по уже существующим законам, аккуратно платить налоги, не говоря уже о попустительстве откровенно противоправным действиям, таким как, например, дача и получение взяток.

Представители различных школ по-разному объясняют такого рода парадокс. Так, «транзитологи» доказывают, что политическая культура России носит переходный характер и уже поэтому не является культурой граждан, представляя собой культуру «приходскую», «подчиненную», где о высоком уровне гражданственности и морали просто не приходится говорить¹¹. «Традиционалисты», в частности, известный философ В.Федотова, обвиняют не граждан, а ельцинскую власть, которая осуществила «негативную мобилизацию», предложив людям самим решать свои проблемы, не полагаясь на государство, обменяв предоставленное массам право на анархию на их лояльность режиму¹².

Наверное, и в той, и в другой точке зрения есть «своя правда». Фактом, однако, является наличие глубокого морального кризиса, в том числе и кризиса гражданственности, что, несомненно, препятствует утверждению и развитию демократических ценностей и институтов.

Еще одна опасная тенденция – рост патерналистских и конформистских настроений, которые начинают получать довольно широкое распространение и выражаются примерно в следующей формуле: «Мы Путина избрали, мы ему доверяем, и пускай он несет ответственность за все, что происходит в стране». Так, на вопрос о том, кто в российском обществе является «мотором общественных преобразований», были получены весьма красноречивые результаты:

- 45,4 – Президент РФ В.В.Путин*
35,3 – Российский народ в целом
23,4 – Та часть населения, которая научилась жить в условиях рынка
13,8 – Предприниматели
12,3 – Ученые, работники образования
11,9 – Средства массовой информации
10,7 – Средний класс
9,4 – Правительство РФ
6,8 – Российская армия
6,7 – Творческая интеллигенция
3,1 – Политические партии
1,8 – Федеральное собрание (Парламент).

Как явствует из выше приведенных данных, проблема с субъективностью общественных преобразований стоит весьма остро. Практически не осталось, как показывают исследования, общепризнанных моральных и нравственных авторитетов, может быть, за исключением Патриарха Алексия II и в меньшей степени А.Солженицына. Иначе говоря, власти просто не с кем вести диалог.

Ситуация усугубляется тем, что начинает отчетливо проявляться тенденция переносить негативное отношение к ельцинским элитам и кланово-олигархической системе власти, с которой борется В.Путин, на всех, кто так или иначе оппонирует новому Президенту, критикует его. Это приводит к серьезным изменениям в отношении населения к роли и месту оппозиции в российской политике. Если еще два года назад 80% граждан считали оппозицию абсолютно необходимым условием для исключения возможности узурпации власти, то сейчас 55% говорят о том, что основная задача оппозиции не критиковать власть, а помогать ей. Лишь 43% по-прежнему видят основную задачу оппозиции в критике власти и считают, что ее деятельность никак не может быть ограничена, даже во имя «общественного согласия». При этом предполагается, что если это не так, то власть в принципе имеет право жестко с оппозицией бороться. В целом в общественном мнении идея оппозиции дискредитирована. В результате уровень рациональности в восприятии политических процессов снижается.

Однако результатом здесь становится не исчезновение оппозиции, а ее превращение во внешний субъект по отношению к политической системе, легитимизируемой уже не национальным общественным мнением и партийно-политической системой, но мировым сообществом. В частности, в прошедшем году давление на Россию по разным поводам было как никогда сильным.

Особо значимым для современной России является вариант теории плебисцитарной демократии, разработанный видным немецким социологом М.Вебером. На первый взгляд она представляется высшим воплощением народовластия, а на самом деле даёт политической элите чрезвычайно широкие возможности манипулирования волеизъявлением народа. Как считает исследователь О.Смолин, перефразировав известную формулу К.Маркса, «происходит манипулирование народом посредством самого народа»¹³.

Все эти обстоятельства заставляют многих аналитиков как в России, так и за рубежом «бить тревогу» по поводу перспектив развития демократии в России. Представляется, однако, что прогнозы о свертывании демократии «по просьбам» широких трудящихся масс не имеют под собой серьезных оснований. И дело здесь не только в том, что россияне в большинстве своем вовсе не собираются отказываться от таких прав и свобод, как свобода слова, передвижения, выборности органов власти, права на личную инициативу и т.д. Главное заключается в том, что они при всем критическом отношении к сложившимся в России демократическим институтам отчетливо понимают, что эти институты при всем своем несовершенстве представляют собой своеобразную «страховочную сетку» от узурпации всей полноты власти бюрократией. В целом же альтернатива «демократия – авторитаризм» во многом представляется надуманной. Как показывают данные исследований, россияне выступают категорически против любой «чрезвычайщины». Хотя, конечно, не видеть определенной демобилизации общественного мнения также было бы неправильно.

Что же касается перспектив развития демократии в России в XXI в., то здесь исследования выявили весьма любопытную картину. С одной стороны, эти оценки можно охарактеризовать как *«благожелательный скептицизм»*. Тот факт, что число верящих в окончательное утверждение в России принципов демократии и правового государства более чем в 1,5 раза превосходит число

тех, кто считает, что в стране установится авторитарный режим, является, безусловно, позитивным. С другой стороны, отвечая на вопрос: «Что в наибольшей степени способствовало бы развитию России в XXI в.?», – 54% отметили прогресс отечественной науки и техники, 48% – наведение и укрепление порядка в стране, 35% – развитие образования и лишь 10% указали развитие подлинной демократии. Иначе говоря, демократические ценности и институты, по мнению подавляющего большинства россиян, имеют смысл только тогда, когда они включены в общий контекст вывода России из кризиса и работают на «общее благо».

Примечания

- ¹ Лапкин В. Демократические институты и общественное мнение в постсоветской России // Куда идёт Россия? Материалы Междунар. симпоз. 15–16 янв. 1999 г. Под ред. Т.И.Заславской. М., 1999. С. 162.
- ² Там же. С. 164.
- ³ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени // Социс. 1998. № 1.
- ⁴ Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая / Моск. Центр Карнеги; под общ. ред. Л.Шевцовой. М., 1998. С. 169.
- ⁵ Дилгенский Г.Г. Политическое развитие России и переходный период // Политические процессы в России: современные тенденции и исторический контекст. Сер. политология. Вып. 10. М., 1995. С. 21.
- ⁶ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- ⁷ Dahl, Robert. A preface to Democratic Theory. Chicago, 1956; Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton Univ. Press, 1963; Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, 1987.
- ⁸ Фурман Д. Новые сосуды наполнило старое вино. В России завершилось становление «народной монархии» // Общая газ. № 45, 9–15.11.2000.
- ⁹ Капустин Б. Диктаторский либерализм или диктатура закона // Известия. 20.11.2000.
- ¹⁰ Фурман Д. Новые сосуды наполнило старое вино. В России завершилось становление «народной монархии». С. 140.
- ¹¹ Рукавишников В.В., Залман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 189.
- ¹² Федотова В. Диктаторский либерализм или диктатура закона // Известия. 20.11.2000.
- ¹³ Смолин О.Н. Политический процесс в современной России. М., 2004. С. 195.